

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

UDC 343.14

LBC 67.410.204.0

Submitted: 11.03.2025

Accepted: 04.07.2025

JUDICIAL EXAMINATION AND PRE-TRIAL “CRYPTO EXAMINATION” OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: with this paper, the author continues the cycle of publications dealing with the examination of evidence as one of the components of criminal procedural proof; in particular, he returns to the problems raised in the paper previously published in the journal *Legal Concept = Pravovaya Paradigma* – “Judicial Investigation in A Criminal Case: Collection or Examination of Evidence?” The reasons that predetermined the obvious need for the legal regulation of judicial examination of evidence and the non-obviousness of such a need for pre-trial examination of evidence are considered. The **purpose** of the paper is to identify the doctrinal parallels between explicit judicial and hidden pre-trial examination of evidence in criminal proceedings. **Methods:** in preparing the paper, the general scientific research methods were used: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, the formal logical methods, etc., as well as the special research methods: the formal legal method, the historical legal method, the method of comparative law, etc. The **results** of the conducted research allowed taking another step towards a comprehensive study of the phenomenon of examination of evidence in the general mechanism of criminal procedure evidence. **Conclusions:** 1) the most probable reasons for the legislator’s insufficiently attentive attitude to the phenomenon of examination of evidence are identified; 2) an acceptable explanation is found for the limited legislative regulation of examination of evidence exclusively at the judicial stages of criminal proceedings; 3) it is proved that it is impossible to limit the scope of application of the examination of evidence only to legal relations inherent in the judicial stages of criminal proceedings.

Key words: pre-trial proceedings, examination of evidence, preliminary investigation, collection of evidence, structure of evidence, judicial investigation.

Citation. Rossinsky S.B. Judicial Examination and Pre-Trial “Crypto Examination” of Evidence in a Criminal Case. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 84-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

УДК 343.14

ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 11.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

СУДЕБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ДОСУДЕБНОЕ «КРИПТОИССЛЕДОВАНИЕ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

Введение: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных исследованию доказательств как одного из компонентов уголовно-процессуального доказывания, в частности, возвращается

к проблемам, поднятым в ранее опубликованной в журнале «Legal Concept = Правовая парадигма» статье «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?». Рассматриваются причины, предопределившие очевидность потребности в нормативном регулировании судебного исследования доказательств и неочевидность такой потребности для досудебного исследования доказательств. **Цель** статьи сводится к выявлению доктринальных параллелей между явным судебным и скрытым досудебным исследованием доказательств в уголовном судопроизводстве. **Методы:** при подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические методы и др., а также специальные методы исследования: формально-юридический, историко-правовой, сравнительное правоведение и др. **Результаты** проведенных изысканий позволили сделать очередной шаг на пути к всестороннему рассмотрению феномена исследования доказательств в общем механизме уголовно-процессуального доказывания. **Выводы:** 1) распознаны наиболее вероятные причины недостаточно внимательного отношения законодателя к феномену исследования доказательств; 2) найдено приемлемое объяснение ограниченности законодательной регламентации исследования доказательств исключительно судебными стадиями уголовного судопроизводства; 3) доказана невозможность ограничения сферы применения исследования доказательств только правоотношениями, присущими судебным стадиям уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, исследование доказательств, предварительное расследование, собирание доказательств, структура доказывания, судебное следствие.

Цитирование. Россинский С. Б. Судебное исследование и досудебное «криптоисследование» доказательств по уголовному делу // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 84–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

Введение

В четвертом номере журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» за 2024 г. была опубликована наша статья «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?» [7]. В статье анализировались вытекающие из смысла действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) нормативные противоречия между общими положениями доказательственного права и более частными правилами работы с доказательствами в ходе судебного следствия. Говорилось о несоответствии этих правил, а именно четко вытекающих из ряда «судебных» статей Кодекса предписаний о судебном исследовании (!) доказательств, предусмотренной ст. 85 УПК РФ базовой структуре доказывания, сводящейся к хорошо известной трехчленной формуле: «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств». В этой связи ставились, на первый взгляд, слегка наивные, но вместе с тем не подразумевающие внятных ответов вопросы: 1) о потере из поля зрения «коллективного законодателя» (читай: авторов-разработчиков проекта Кодекса) конкретных полномочий суда по собиранию доказательств; 2) о правильности или неправильности толко-

вания предусмотренных гл. 37 УПК РФ правил проведения судебного следствия как освобождающих суды от потребности в собственном собирании доказательств, то есть ограничивающих их возможности лишь исследованием и проверкой имеющихся средств доказывания; 3) о смысле судебных приемов, состоящих в накоплении новых информационных активов, то есть никак не связанных с передаваемыми через прокуроров материалами дознавательских или следственных производств, и т. д. Попутно, но ввиду ограниченного объема статьи достаточно лаконично, как бы между прочим, выражалось недоумение в отношении непризнания феномена исследования доказательств одним из непреложных компонентов доказывания – его невключения в предусмотренную ст. 85 УПК РФ структуру, в связи с чем обращалось внимание на целесообразность исправления данной ошибки.

В результате проведенных изысканий и логических рассуждений мы пришли к умозаключению о присущности судебному следствию как одному из этапов уголовно-процессуального доказывания обоих компонентов работы с доказательствами: и их собирания, и их исследования. Было установлено, что для данного фазиса судебного разбирательства по уголовному делу в той или иной степени свойственны и процессуально-созидательные (со-

бирательные), и процессуально-исследовательские приемы, предрасположенные как к интеграции в рамках единых когнитивно-установительных действий (судебных допросов, осмотров местности или помещения, экспериментов, экспертиз и т. д.), так и к автономному осуществлению посредством реализации сугубо познавательных (оглашения материалов уголовного дела, осмотров вещественных доказательств и пр.) либо сугубо собирательских (приобщения к уголовному делу) полномочий.

Таким образом, статья «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?» стала очередным, но далеко не завершающим шагом в нашем стремлении к подробному и обстоятельному рассмотрению феномена исследования доказательств как автономного компонента уголовно-процессуального доказывания, в том числе его соотносению с собиранием доказательств. Вполне очевидно, что для завершения данного научного проекта потребуется целая серия изысканий, а для детального освещения их результатов – еще множество публикаций. Кроме того, ответы на вышеуказанные вопросы, как это нередко бывает, привели к появлению новых вопросов, связанных с проблематикой исследования доказательств. В частности, стала ощущаться потребность в выявлении причин, приведших к невнимательному отношению «коллективного законодателя» к феномену исследования доказательств. Вместе с тем захотелось понять, почему авторы-разработчики проекта Кодекса связали исследование доказательств исключительно с судебной когницией имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Одновременно появились намерения выяснить, свойственны ли сугубо исследовательские приемы досудебному производству и т. д., другими словами, возникла потребность в дальнейших научных поисках. Их первым результатам и посвящена настоящая статья.

О вероятных причинах невнимательности законодателя к феномену исследования доказательств

Как уже отмечалось в упомянутой статье «Судебное следствие по уголовному делу:

собирание или исследование доказательств?», на сегодняшний день, спустя почти четверть века с момента принятия Кодекса, достаточно трудно уразуметь подлинные причины, некогда побудившие авторов-разработчиков его проекта к сведению нормативной структуры доказывания именно к трем звеньям: собиранию, проверке и оценке доказательств. В этой связи остается довольствоваться лишь возможностью выдвижения некоторых историко-правовых гипотез. Причем наиболее состоятельной нам видится версия, предполагающая негативное влияние так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания – совокупности широко известных научных представлений о доказательствах и доказывании, впоследствии удостоенных официального признания и принятых на вооружение в качестве доктринального фундамента для современного доказательственного права, в первую очередь для его общих положений, включенных в гл. 10–11 УПК РФ. Ведь, возникнув в середине 1960-х гг. на фоне повсеместной увлеченности кибернетикой как наукой о закономерностях передачи и преобразования информационных сигналов, накопления и хранения закодированных в них сведений, эта концепция стала вполне ожидаемым итогом неоправданно сильной заинтересованности ряда ученых-процессуалистов в сугубо информационных аспектах доказывания, непременного стремления к внедрению трендовых на тот момент кибернетических разработок в дознавательскую, следственную, прокурорскую и судебную практику.

Несмотря на внешнюю стройность и эстетичность, кибернетическая концепция оказалась не столь совершенной, каковой, по всей вероятности, изначально виделась своим приверженцам, со временем в ее постулатах стали усматриваться и некоторые недостатки. А ее главный изъян был обнаружен в фактическом сведении всего доказывания лишь к информационному процессу [2, с. 73; 5, с. 62], то есть к накоплению, верификации и рейтингованию неких информационных активов (читай: к собиранию, проверке и оценке доказательств), но почему-то без потребности в их исследовании. Так, в известной «научной Библии» для апологетов кибернетической концепции – фундаментальном коллективном труде

«Теория доказательств в советском уголовном процессе» – прямо говорится о включении в содержание этой деятельности только собирания и закрепления, проверки и оценки неких данных, необходимых для установления истины и решения задач уголовного судопроизводства [8, с. 298]; схожие позиции присущи и многим другим кибернетически ориентированным публикациям доказательственной направленности.

Конечно, взгляды уважаемых авторов не являлись такими уж наивными и примитивными, какими могут показаться на первый взгляд. Будучи крупнейшими специалистами в области уголовно-процессуального доказывания, они хорошо понимали (просто не могли не понимать!) необходимость исследования доказательств и дальнейшего использования в качестве логических доводов, способствующих обоснованию правоприменительных актов. Кстати, и они фрагментарно указывали на потребность в извлечении проистекающей из доказательств информации, то есть в их исследовании, – подобные познавательные приемы расценивались в качестве составляющих частей собирания доказательств [8, с. 300]. Таким образом, изъяны и шероховатости кибернетической концепции надлежит усматривать не столько в категоричном отрицании исследования доказательств как структурного элемента доказывания, сколько в его пускании на самотек, в оставлении без должного внимания, в явном уклонении от выявления и осмысления его собственного предназначения.

По всей вероятности, в этом и кроется главная причина, приведшая к законодательной легализации трехчленной формулы доказывания, ограниченности его структуры только собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Скорее всего, авторы-разработчики проекта Кодекса, увы, так и не достигнув надлежащего уровня эрудированности в вопросах теории и методологии доказывания, оказались способны лишь к самому примитивному, буквальному пониманию кибернетической концепции, предопределившему догматичность использования ее положений, в том числе произвольный отказ от включения в сферу законодательного регулирования не до конца осознанных и уясненных деталей, тем более что

многие привлеченные к работе над проектом УПК РФ функционеры и даже ученые ввиду известных конъюнктурных причин были сориентированы на активное внедрение в уголовный процесс англосаксонских модностей, в том числе на приоритет формы информационных активов над их содержанием. В этой связи достаточно много внимания вполне ожидало было уделено правилам допустимости доказательств, порядку их исключения из уголовного дела и т. д., тогда как на должную проработку целого ряда других нюансов доказательственного права, в частности положений, касающихся исследования доказательств, видимо, просто не хватило ни времени, ни сил, ни желания.

К слову, в некоторых других постсоветских государствах эти вопросы были решены более разумно. Например, в соответствии со ст. 127 принятого чуть больше 10 лет назад Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан исследование доказательств прямо признается одним из компонентов доказывания. Правда, данную норму тоже нельзя признать идеальной – в ее содержании усматривается путаница между исследованием и проверкой доказательств.

Исследование доказательств как очевидный компонент судебного доказывания

Невзирая на достаточно пренебрежительное отношение законодателя к феномену исследования доказательств, говорить о полном нормативном забвении этого компонента доказывания все же не приходится – ему уделяется некоторое внимание в «судебных» нормах уголовно-процессуального права. Так, в ст. 240 УПК РФ устанавливается требование о непосредственности судебного исследования доказательств (!), а в ст. 274 УПК РФ – его порядок (очередность); в ст. 291 УПК РФ говорится об окончании судебного исследования доказательств (!), а в ст. 389.13 УПК РФ – об «апелляционном» исследовании доказательств (!), не попавших в зону внимания суда первой инстанции. В статье 246 УПК РФ предусматриваются возможности участия в судебном исследовании доказательств (!) государственного (частного) обвинителя, а в ст. 249

УПК РФ – встречные правомочия защитника и т. д. Более того, исходя из смысла закона, именно ему (исследованию) уготована роль одного из базовых компонентов судебного доказывания. Тогда как судебному собиранию доказательств, по сути, придается лишь второстепенное значение, несмотря на множество нормативных «намеков» и «подсказок», о суде как о субъекте собирания доказательств прямо говорится только в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Согласиться с таким нормативным подходом достаточно сложно. Однако причины его возникновения вполне объяснимы – по всей видимости, феномен судебного исследования доказательств привлек внимание «коллективного законодателя» в силу заметности для невооруженного глаза, то есть предрасположенности к выявлению, обнаружению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами. Ведь в ходе судебных разбирательств уголовных дел либо рассмотрения прочих относящихся к исключительному ведению суда вопросов достаточно часто возникает потребность не столько в получении новых, сколько в перцепции, изучении, анализировании уже имеющихся, накопленных ранее информационных активов, в первую очередь доказательственных материалов, собранных посредством досудебных производств. Более того, будучи подчинено известным условиям реализации судебной власти: устности, гласности, обеспечению доступа к правосудию и др., судебное исследование доказательств нуждается в достаточно четкой формализации, в связи с чем может осуществляться лишь в установленном законом порядке. Для решения подобных задач предусматриваются специальные, нехарактерные для стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуально-когнитивные действия: оглашение прежних показаний подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертных заключений, протоколов следственных действий, прочих документов, осмотры вещественных доказательств и т. д. Несвязанность всех этих сугубо когнитивных приемов с собиранием доказательств, то есть накоплением предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в допустимые информационные акти-

вы, представляется достаточно очевидной. И таким образом, по всей вероятности, законодатель просто не смог проигнорировать надобность в нормативной регламентации приемов судебного исследования доказательств – она слишком сильно бросалась и продолжает бросаться в глаза, слишком выделялась и продолжает выделяться на общем фоне механизмов доказывания. К слову, точно такие же ошибки присущи и многим научным публикациям, в которых феномен исследования доказательств связывается исключительно с судебными стадиями уголовного судопроизводства [1, с. 31].

Исследование доказательств как скрытый компонент досудебного доказывания

Вместе с тем достаточно близкие по предназначению, направленные на решение схожих когнитивных задач, но присущие не судебному, а досудебному производству познавательные приемы оказались для законодателя, равно как и для подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не столь очевидными. Они не привлекли к себе творческого внимания, в связи с чем не получили какого-либо нормативного отражения в положениях доказательственного права; исходя из смысла закона, должностным лицам органов предварительного расследования, а в некоторой степени защитникам и другим невластным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений стало предписано работать с доказательствами в четком соответствии с установленной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулой.

В частности, пока что еще очень немногим специалистам удавалось подметить, что надобность в исследовании предварительно собранных и уже находящихся в уголовном деле доказательств может быть свойственна не только механизмам судебного познания и одними лишь «судебными» правоотношениями эти потребности не ограничены [3, с. 21–22; 4, с. 188]. Мало кому посчастливилось уразуметь характерность точно таких же, по крайней мере весьма схожих когнитивных задач для досудебного производства, осознать и осмыслить постоянно присущую работе доз-

навателей, следователей, а также их процессуальных «визави» необходимость восприятия, изучения, анализа ранее накопленных информационных активов. Кроме того, не были учтены познавательные приемы, состоящие в превентивном восприятии, изучении и анализировании дознавателями и следователями каких-либо предметов и документов еще до их признания пригодными к использованию паратусными доказательствами [8] и приобщения к уголовному делу, именно в целях установления наличия либо отсутствия оснований для принятия соответствующих решений.

Но тем не менее такие потребности – это вполне обыденные реалии правоприменительной практики; они возникают и, следовательно, нуждаются в удовлетворении по всем, по крайней мере подавляющему большинству, находящимся в производстве органов предварительного расследования уголовным делам. Ведь любому дознавателю либо следователю приходится знакомиться с содержанием поступающих в его ведение экспертных заключений, алиусных (иных) документов, материалов, содержащих результаты непроцессуальной, в первую очередь оперативно-разыскной деятельности, прочих информационных активов. Каждому из них надлежит изучать протоколы и другие материалы осуществленных без его непосредственного участия следственных действий, в том числе «перешедшие по наследству» от ранее ведущих соответствующие дела дознавателей и следователей, сформированные коллегами в порядке исполнения «отдельных поручений», и т. д. Тогда как обвиняемым, защитникам, потерпевшим, другим невластным субъектам доказывания желательно в пределах своих правомочий знакомиться с накопленными информационными активами для уяснения перспектив дальнейшего производства по уголовному делу в целом и определения вектора своего поведения в частности. В противном случае ни проверить, ни оценить на предмет относимости, допустимости, достоверности, ни продуктивно использовать все эти материалы для нужд доказывания станет просто невозможным.

Правда, ввиду принципиально иных, по сравнению с судебным разбирательством, полунквизиционных условий дознавательской и следственной деятельности – ее камеральнос-

ти (кабинетности), относительной тайности, письменности, «следственной автократии» и т. п., для удовлетворения всех указанных когнитивных потребностей какая-либо существенная формализация соответствующих познавательных приемов просто не нужна. Вряд ли кому-то могут показаться разумными некие предусмотренные законом требования, вынуждающие дознавателя или следователя, уподобляясь суду, громко оглашать самому себе «в тиши кабинета» только что полученное экспертное заключение, материал, содержащий результаты оперативно-разыскной деятельности, или какой-либо иной документ. Поэтому такие потребности подлежат удовлетворению в необремененном особыми юридическими гарантиями, то есть достаточно свободном режиме, обычно сводящемся к банальному прочтению либо просмотру соответствующих документов (визуальному обследованию соответствующих предметов) в любое удобное время, как бы в перерывах между процессуальными действиями.

Вместе с тем существуют и некоторые исключения – прямо предусмотренные законом процедуры, сводящиеся к ознакомлению обвиняемых, защитников, потерпевших, других правомочных субъектов с материалами уголовных дел и не предполагающие столь свободный процессуальный режим досудебного исследования доказательств. Ввиду понятных причин данные механизмы не могут обойтись без некоторой формализации, без обременения рядом юридических гарантий, способствующих как обеспечению правовой защищенности указанных лиц, так и снижению рисков злоупотребления предоставленными им процессуальными возможностями. В этой связи «предсудебные» ознакомления со всеми материалами уголовных дел четко регламентируются ст. 216–218 УПК РФ, а «текущие» ознакомления с некоторыми документами, например с заключениями эксперта, осуществляются в режиме, предполагающем правовую преемственность по отношению к данным положениям закона.

Выводы

1. Причины недостаточно внимательного отношения законодателя к феномену исследования доказательств можно с высокой долей вероятности связать с лакунами ис-

пользованной в качестве доктринального фундамента для общих положений современного доказательственного права кибернетической (информационной) концепции доказывания, предполагающей сведение всей доказательственной деятельности лишь к накоплению, верификации и рейтингованию различных информационных активов без потребности в их познании, то есть восприятии, изучении, анализировании содержащихся в них сведений.

2. Ограниченность законодательной регламентации исследования доказательств исключительно судебными стадиями уголовного судопроизводства следует объяснять явностью, заметностью соответствующих судебно-познавательных процедур, их предрасположенностью к усмотрению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами.

3. Сферу применения исследования доказательств нельзя ограничивать только правоотношениями, присущими судебным стадиям уголовного судопроизводства. Его, напротив, нужно рассматривать в качестве свойственного как досудебному, так и судебному производству автономного компонента работы органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, других субъектов уголовного процесса с доказательствами. Под ним (исследованием) надлежит понимать совокупность предполагающих различную степень формализации познавательных приемов, обеспечивающих удовлетворение когнитивных потребностей властных и невластных субъектов-познавателей, сводящихся к должному восприятию, изучению, анализированию собранных либо подлежащих собиранию информационных активов (то есть улавливанию различных информационных сигналов, как бы «считыванию» закодированных в них гносеологических посылов) и способствующих их проверке, оценке на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивному использованию в качестве средств уголовно-процессуального доказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васяев, А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе / А. А. Васяев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 472 с.

2. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М. : Проспект, 2009. – 376 с.

3. Жусипбекова, А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу / А. М. Жусипбекова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 19–23.

4. Конин, В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы / В. В. Конин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 185–191.

5. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юрист, 2009. – 174 с.

6. Россинский, С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 40–48. – DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48

7. Россинский, С. Б. Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств? / С. Б. Россинский // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 155–163. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20

8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.

REFERENCES

1. Vasyaev A.A. *Teoriya issledovaniya dokazatelstv v rossijskom ugovnom processe* [Theory of Evidence Research in Russian Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 472 p.

2. Dolya E.A. *Formirovanie dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti* [Formation of Evidence Based on the Results of Operational-Search Activities]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 376 p.

3. Zhusipbekova A.M. *Issledovanie dokazatelstv kak element dokazyvaniya po ugovnomu delu* [Research of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3, pp. 19–23.

4. Konin V.V. *Issledovanie dokazatelstv v ugovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Research of Evidence in Criminal Proceedings: Controversial Issues]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After V.V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185–191.

5. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v ugovnom processe* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 174 p.

6. Rossinskij S.B. Paratusnye dokazatelstva v ugovnom sudoproizvodstve [Paratus Evidences in the Criminal Proceedings]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 40-48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48>

7. Rossinskij S.B. Sudebnoe sledstvie po ugovnomu delu: sobiranie ili issledovanie dokazatelstv? [The Judicial Inquiry of a Criminal Case: Collecting or Examining Evidence?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 155-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20>

8. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom processe* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 736 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>